

Д Р Е В О Д А Ш

М. Б. БЕЛЕШЕВИЋА.

СВЕЗКА I.

КОЗАЧКА ОСВЕТА.

Библиотека Козачка Освета

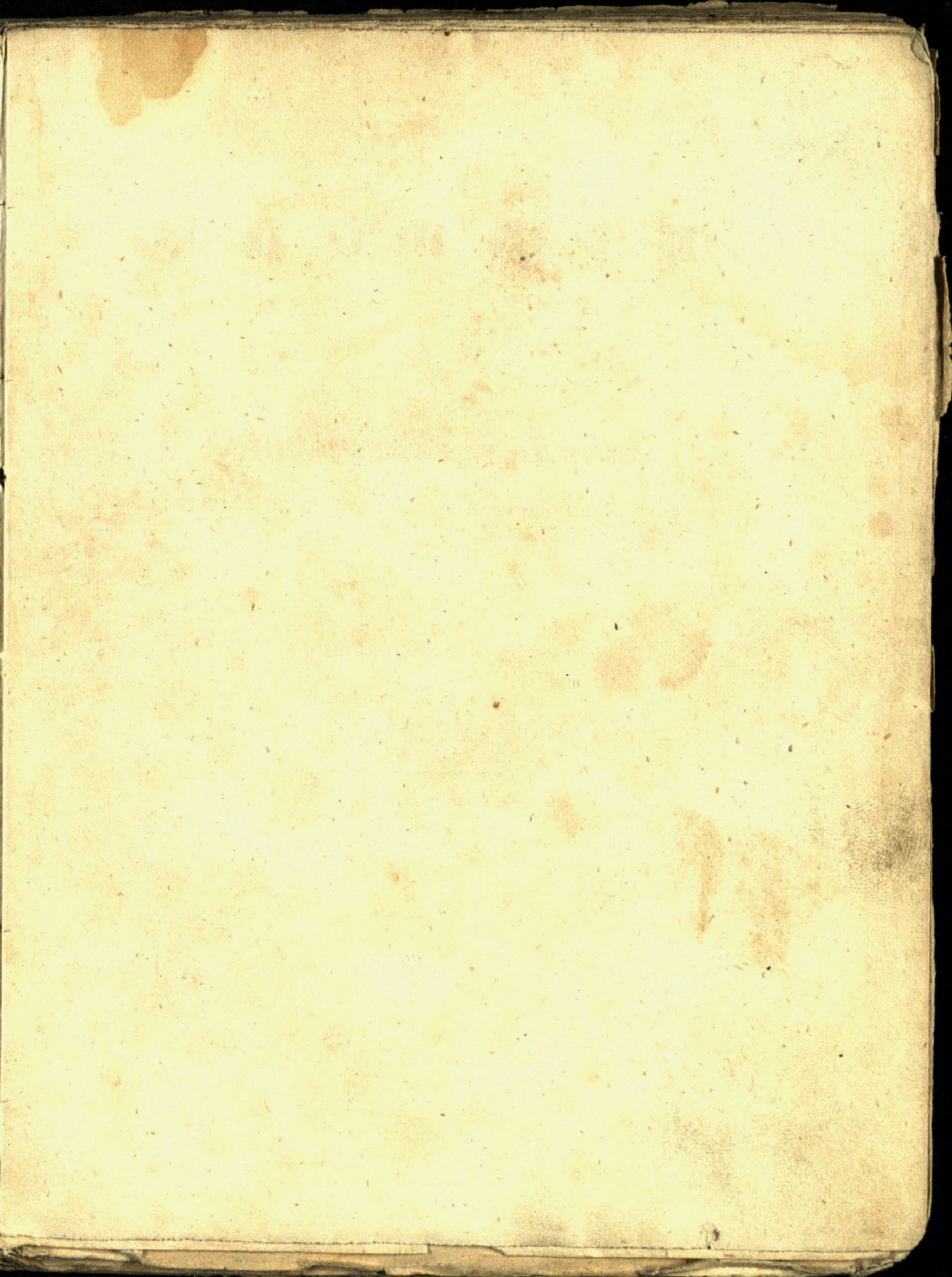
P19CpI 519.1

PT 94

PI 94/1

500

—

П Р Е В О Д И

МІЯИЛА Ђ. БЕЛЕШЕВИЃА

у оставки Канцелјсте Апелационогъ Суда II. Одѣленія.

Свезка I.

~~РІ 94~~

Р19 Ср Т519.1

КОЗАЧКА ОСВЕТА

ИЗЪ

ЧАЙКОВСКОГЪ,

съ немачкогъ преведена.

Дасе Николајевића
Вештенка.
У БЕОГРАДУ,

при правительственой кнъгопечатни.

1854.

Инв. бр. 177184

БЛАГОРОДНОМУ ГОСПОДИНУ

МИЛАНУ АЛЕК. СИМИЋУ,

Столоначалнику у Попечит. Просвете,

збогъ

признателности и благодарности

посвећуе

ИЗДАТЕЉЪ.

INSTITUTIONS OF THE

MILITARY ARTS AND SCIENCES

OF THE UNITED STATES OF AMERICA

AND

OF THE DISTRICT OF COLUMBIA

1825

На усамлѣномъ Хнилопїяту, гди се садъ село Слободица са своимъ белымъ, надалеко разсеянымъ колибама пружа, лежала є некадъ велика варошь, бѣше некадъ великій замакъ; ту су се виђале яке куле жућкастомъ маовиномъ обрастле, тврде зидине, честымъ пушкарницама покривене и висока места, съ кои бы се непрїатель усмотрити могао. Колико є пута съ нѣи око козака прегледало пустаре, колико є пута козакъ дубоко уздануо: недолази, недолази, татарскїй сынъ. И подземны тамница бѣше ту, дубоки и страшны, влажны и смрадомъ струлежи испунѣны, као гробъ. Но садъ покриваю чбунови и распространѣный коровъ некадашню авлю замка, ту се невиди никакво гариште одъ старогъ замка, ту нележи никакавъ камень одъ негдашнѣи зидина, нити се светли каква кость одъ пређашнѣи обитателя изъ цбунова. Само кадъ овде и онде козачка деца на дрвенымъ коньма узъ замакъ потрче, као да бы непрїате-

ля вребали, као да бы га на бой позивали; онда земля тутњи и у дубльини ясно еца, као да бы хтела изказати и обелоданити све оно, што о томъ старомъ замку зна. По некадъ се какавъ старый войникъ узъ замакъ узпужа и приповеда любопытнымъ людма стару исторію о овомъ замку. И я самъ некадъ слушао єдну одъ овы приповедкїй, кою вамъ ево саобштавамъ:

I.

Тишина бѣше у вароши, већъ є првый путь после поноћи петао запою. Смртный покой владао є на пустари, већъ є курякъ у ритѹ заурлао. На бедемима, на кулама и предъ капіяма замка, обилазиле су непрекидно многочислене страже съ умеренымъ корацыма, као да су у оной земли, у коіой рать бесни и у коіой се мачъ никадъ у корице непушта. Но ни у замку нису іоштъ сви спавали. У гостинской соби, у коіой су зидови скерлетно-црвенымъ, златомъ богато извезенымъ ћилимима покривени били, видиле су се іоштъ три особе; єдна жена млада и лепа, али жалостна и бледа, дал' збогъ

душевне ил' тѣлесне бѣлъ, тешко є было опре-
дѣлити; єданъ човекъ средованъ, строге озбиль-
ности у лицу, но безъ суровости; дубока зами-
шлѣность почивала є на нѣговомъ челу, нема
туга огледала се у нѣговимъ очима, ахъ, и онъ
є морао имати неизлечиме ране, али пре у ду-
ши него на тѣлу; и єдно детенце у колевки, ан-
ѣлакъ съ плавомъ косомъ и руменымъ образи-
ма, у тихомъ сну, и смешило се као да сладко
саня. —

Свећа є слабымъ зракомъ осветлявала со-
бу; госпа є стаяла кодъ колевке дѣтинѣ; она се
часъ сагибала къ главици дѣтета, као жалостна
врба преко мирногъ огледала рибняка; часъ бы
се опеть усправила као витка топола, и поглеа
дала бы с' поноснымъ чувствомъ на — — на
свогъ мужа, но зачасъ є опеть спустила главу-
дубоко уздишући.

Човекъ є дугимъ корацима одао по соби
горе доле; онъ нїє брояо кораке свое, онъ нї-
саняо о любезнымъ образима среће, ни о опія-
юћой гордости величине и славе, него є стра-
дао, као да му є грижа савести душу раздирала;

кадикадъ бацао е погледъ свой часъ на супру-
гу, часъ на дете; видило се, да е хтео нешто
рећи, али ніе смео уста отворити. Напослѣдку
приступи онъ жени и увати е за руку.

„Ано, ты си болестна?“

Равнодушно извуче она свою руку изъ нѣ-
гове: „Ніе ми ништа!“

„Садъ бы већъ могла престати плакати!“

„Я неплачемъ!“

„Али то е іоштъ горе, себе тако мучити, и
мало по мало убіяти!“

„Я немыслимъ о самоубійству!“

„А опетъ чинишь самоубійство?“

„О, не!“

Онъ е опетъ увати за руку: „Ано, ты ме-
не нелюбишь? и нећешъ ме никадъ любити?“
Она е ћутала, али ніе извукла руку изъ нѣгове,
она е мирно држала свою руку у нѣговой, и не-
додирнувши е, тако круто, као да бы мртва бы-
ла. Онъ погледи на нѣно лице, и очи му се
наводне. „Погледай на ово дете Ано, на нѣга
се смилуй, немой га као сиротче оставляти.“

„Оно има Отца!“

„Али оно потребує и матеръ!“

„Отаць ће му быти руководитель и примеръ!“ и съ чуднымъ, као подсмевателнымъ изразомъ погледала є свогъ мужа. Онъ іой пусти руку. „Ано, престани, немой ми сердце парати (метнувши руку на сердце). О! оно ме и онако боле!“

Као помамльнъ корачао є по соби горе доле, као да бы тимъ движеніємъ хтео печаль свое душе разтерати; али ніє могао. Наєданпуть стане: „Єсть, єсть, я самъ издаица“ — и шкрипећи зубима нагрдіо є свое лице и севао є очима.

Жена задркће и спусти лѣпу главу къ колевцы, као да бы се ту, подъ заштитомъ дѣтѣта, одъ суровогъ мужевлѣвогъ погледа сакрити хтела. У неколико тренутака изчезнуо є изразъ нѣговогъ кипѣћегъ сердца; онъ приступи жени. „Ано, ты се плашишъ одъ мене?“

Она подигне мртвачко блѣдо лице и мераше супруга одъ главе до пете съ погледомъ, у комъ небыше ни найманѣгъ трага одъ страа, или одъ суза.

„О не , господару! я се неплашимъ!“

„Ано , тако ти любви спрамъ овогъ бѣд-
ногъ детета , тако ти любви спрамъ твои' ро-
дителя!“

„Шта заповѣдашь господару? Я самъ се за
нѣи жертвовала , и іоштъ самъ готова свакогъ
тренутка!“

„Къ чему?“

„Себе жертвовати.“

„Само? и къ ничему другомъ?“

„Къ ничему!“

„Дакле се нећешъ смилувати ни на мене
ни на твоє дете?“

Она ћуташе.

„Дакле и никакове надежде , да ћешъ ме
кадгодъ любити моћи?“

Она ћуташе.

„Ано , говори , чиме бы твою любовь задо-
біо? Я ћу чинити све! — Говори , тако ти Бо-
га , чиме?“

„Ничимъ.“

„Дакле , никадъ , никадъ ме нећешъ люби-
ти?“ —

„Никадъ.“

„Никадъ — никадъ?“

Она повтори: „никадъ — никадъ!“ —

„Ха“ и изнова ишао е као бесомучанъ горе и доле, и кршио руке, као да бы све прсте изъ зглавака хтео поломити, и гризао е устне, да е крвь изъ нѣи текла; напоследку савлада га, и онъ падне на ястукъ као мртавъ, као самртникъ.

Жена га погледи са леденымъ равнодушїемъ, али кадъ е уздануо, као да ће съ тымъ уздисаємъ духъ изъ прсію изтиснути, а затимъ плакати и єцати почео, као дете, као жена; онда приступи къ нѣму. „Господару, шта е теби?“ Онъ дође мало къ себи: „Мени ніе добро“, „Ано, мени ніе добро?“

„Оћу ли твогъ момка звати, господару?“

„Немой, фала! ово ће проћи,! — Ано, молимъ те седи до мене!“ — Онъ се окрене нѣой, и отре свое сузе.

Она седне, а онъ іой ухвати малу руку и полюби. „Ано, я нисамъ тако кривъ, као што самъ несрећанъ“ Богъ зна, а люди су мои сведоцы, како самъ те любіо, и како те іошть лю-

бимъ; я знамъ добро, да самъ єдно преступленіє учинію“ — и уздане дубоко — „чуй Ано, кажи ми єдну речъ, пакъ ѣу поправити, пакъ ѣу престати живити.“ — на то уѣути и молю є съ неутѣшнымъ очима за одговоръ. Она ніє одвратила погледъ одъ нѣга, али му є одговорила — „Живи, господару!“

„А за кога да живимъ?“

„За твогъ сына, господару,“ и покаже рукомъ на колевку.

„За нѣга, єсть! — али я бы хтѣо и за тебе и за нѣга живити, но ты си несреѣна!“

Жена му погледи оштро у очи, и преко нѣны образа прелети лако, хитро движеніє; онъ іой притисне руку.

„Јдна Ано! ты си несреѣна, неможешъ ме любити, єрь ты си любила и любишъ Димитрія.“ Она уздане и спусти црне очи къ земљи — „Єсть Ано — ты га любишъ! кажи истину.“ —

„Господару, дай да о чему другомъ говоримо!“

„О не Ано, дай, да само о нѣму говоримо, онъ є тако благороданъ, тако храбаръ! Я при-

знаемъ да му у многимъ завидимъ, а найвише збогъ твоє любви. Немой ништа одъ мене тати, говори целу истину, као сестра предъ братомъ; ты га яко любишь Ано? Ты си тако несрећна, ако е онъ іоштъ живъ?“

„Шта? Заръ е умрѣо?“ — стра и туга прелети као муња преко нѣногъ лица.

„Успокой се, я незнамъ ништа, али две године, то е прилично дуго време!“

Првый путъ после дугогъ времена стаяле су опетъ госпи сузе у очима, у присудству човека.

„Кажи ми, господару, я те молимъ, ты знашь, ты знашь шта се е съ нѣимъ збыло, я самъ се већъ на несрећу навикла, одъ єдногъ удара умрети нећу, кажи ми молимъ те!“ и притисне му лагано руку, и плакаше, као да бы му исплакала речъ, коя — коя ће іой велику несрећу предсказати. —

Нѣму е одвећъ тяжело было; али ю е сувише любіо, онъ е плакао съ нѣоме. „Ано, ты га

яко любишь, одвећъ яко!“ „Я га любимъ, любимъ, господару“ и пусти се съ ястука на колена предъ нѣга, „но я самъ ти верна была, и бы ѣу ти верна до гроба.“

Онъ ѣ подигне и полюби, и она му нѣе бранила. „Ано, онъ мора живити! Ты га одвећъ любишь. Люби га дакле, люби изъ свега срдца. Оѣемо ли о нѣму говорити? Да, само ѣемо о нѣму говорити.“ На то ѣ силно пригрли и обапе ѣ полюбцима, а она плакаше, но нѣе му се азъ наручїя одтргла.

Дете ѣ мирно спавало у своїой колевки; свеѣа бїяше єдиный сведокъ овогъ разговора, овогъ чудноватогъ милованя, и бацаше садъ при издисаню кадъ и кадъ яснїю светлостъ на околостоеѣе предмете. У томъ тренутку видило се, како су образи госпе одъ суза наново оживили и веѣимъ се румениломъ украсили, и како су озбильне суморне черте на мужевлѣвомъ лицу мало по мало блажїи изразъ доби-ле. Коє быо дакле тай човекъ? Ко бїяше та госпа? Безъ сумнѣ: — *двоє несреѣни.*

II.

Човекъ тай быо є Петаръ Якубовскій, полковникъ чехринскогъ козачкогъ полка, а жена: Ана Ябика, кћи Симеона Ябике, полковника коньовскогъ козачкогъ полка, готово две године манъ єдногъ месеца, за Петра Якубовскогъ удата.

Ово се догодило у оно несрећно доба, кадъ є Богданко Хмелницкій распалънъ бесниломъ на польско мало племство, више несмыслено него злоковарно, дивлѣгъ сусѣда у помоћъ позвао, и кодъ паштєня, необузданомъ израштаю раскалашне републике предѣль положити, и право и поредакъ опетъ возпоставити, отачбини польской смртный ударъ нанео, почемъ се самъ ніє умео умерити, почемъ є самогъ себе, неразумнымъ обстоятелствама наведенъ, одъ несмысленогъ коловође за великогъ преступника изобразіо, и свога помагача, белога цара, лехискимъ козацима за господара натуріо. У то доба буде Симеонъ Ябика съ каньоверскимъ полкомъ у предѣль горнѣгъ Тетеро-

ва на зимниште посланъ , и обитаваше са своіомъ женомъ и децомъ у старомъ Чуднову (чудноватомъ замку) у средъ козака.

Госпођица Ана біяше тада текъ одъ седамнаестъ година; али никаква изворна вода у України небіяше свѣжія и живля одъ нѣ, и никаква трска на Тетерову небіяше тако витка и нѣжна као нѣнѣ стасъ; окретна и хитра као верица у шуми скакала є и играла и нѣнѣ ходъ уподобляваше се округлымъ волнама траве на пустари, кадъ є вечерњи ветаръ колеба. Ако є на каквогъ момка погледъ устремила , то му є сердце прострелила; ако ли се на нѣга осменула, то му є было тако сладко, тако любко, тако мило , да є готовъ быо, дати коня и копль , па и душу и животъ за ню; а кадъ бы га за руку ухватила, онда бы му кровь крозь жиле узкипила као ключала вода, и очи бы му се узпламтале, као огань живый. О , чудна є то девойка была, права полькиня, као чисто злато, єрь Симеонъ Ябика быо іой є отаць, польскій племићъ, способанъ носити грбъ , кровь одъ крови єднога одъ другога Пренчеслава ланкоронскогъ , одъ

оны юнака, кои су на дивлѣ обале Днѣпра ишли да бы весело и по козачкомъ обычаю, Турке узнемиривали, да бы своимъ прсима подигли насипъ противъ Татара, обкопъ за отачбину польску и за цело христіянство.

Симеонъ Ябика ніе было богатъ ни сребромъ ни златомъ, ни свиленымъ оделомъ, или другимъ драгоценостима. Што є у своіой младости у рату уплячкао, то є у мирно доба разточіо и профуќкао са своіомъ браћомъ козацима, сасвимъ по козачкомъ начину. Кадъ се съ госпођицомъ Аномъ Лобођанскомъ оженіо, имао є козачку альину, саблю и оседланогъ коня, и — то є было све. После женитбе, ніе му се иманѣ ни найманѣ умножило; напротивъ растло є число нѣгове дѣце одъ године до године све више и више. Преблагій Богъ любіо га є, єрбо му є покланяо децу, а ѣаво му ніе завидіо, єръ га ніе съ новцемъ снабдѣо. У нѣговой шестдесеть девятой години имао є онъ десеть сынова и єдиницу ѣерку, при томъ више одъ шестдесеть рана, коє одъ олова, коє одъ сабаля, прилично изнурено тѣло, али оштру саблю, бесне конѣ, и веселу козачку наравъ, къ томе іоштъ полковнич-

ку плату, кою му є годишнѣ плаћало Нѣгово Величество краль, и республика, као и еполете у рату и миру, а выше му ніє ни требало. Свы нѣговы десеть сынова послао є, єдногъ за другимъ; у населбине у запарожску землю међу уписане полкове, — єдномъ речи, онъ ій є учиніо правымъ козацымя; на путъ дао є свакомъ, по старопольскомъ обичаю, єданъ дукать, и тридесеть батина по кожуу, и увекъ имъ є томъ приликомъ уселявао науку: „Покоравай се родительма и поштуй ій, а твогъ неприятеля уби, пакъ ћешъ быти човекъ.“ За нѣгову кћерь ніє се ни найманъ бринуо, и кадъ бы нѣгова жена о томъ почела говорити, одговарао бы увекъ: „Девойка благонадеждна, вредна, за мушкарцима нетрчи, за удар'є има любкость и лепоту, къ томе прилажемо іоштъ мы стару славу наши предака и наше собствено, честно име, и тако ће лако добыти мужа“ Онъ є истину говоріо. Гомиле младића облетале су госпођицу; но међу нѣима найпретежниі су были: Петаръ Якубовскій польскій племићъ, наслѣдныи земльдржаць Андрушовке на Хуйви, и Димитрій Мохила, одъ праве козачке породице, пріятель и

другъ Ђаковскогъ , Курень Атамана у Запорогу и наслѣднѣй землѣдржаць Слободице и многи притяжанія на горнѣмъ Хнилопїяту.

Якубовскій є свои' тридесеть година у стану проживіо ; онъ є быо лепушкасть и лепогъ стаса. Премда су нѣгова споляшнѣость и нѣгове нрави нешто суровога у себи имале , то є опетъ имао срдце, коє є могло любити и то усрдно любити; но покрай тога имао є и урођено іогунство Русина , кои навекъ єдну исту песму пева : „Было што му драго , я тако ођу , па тако мора бити , и пре ѣу се съ Богомъ омразити , а съ ѣаволомъ здружити , него одъ мое воле одустати,“ па ако се каснїє за свое дѣло и кає , опетъ се никадъ съ пута неврађа , већъ све више и више у зло пада , и кои воле да му рекну : „Тай нитковъ зло ради,“ него да за нѣмъ рекну , да оно , што є хтео , нїє могао извршити , или да се данасъ гнушао одъ онога , за чимъ є юче грамзїо.

Мохила є текъ двадесеть тређу годину навршїо , момакъ лепъ , нагао , страстанъ , као правый козакъ свега се лађао са живостномъ ва-

тромъ, са свимъ жаромъ нѣгова духа. Кадъ га є пламень нѣгове страсти обузео, онда є прекорачіо границе разума, онда є свакій одпоръ са свимъ немогућанъ быо. Кадъ є любіо, онда є у любви занешенъ быо.

Срдце младе Ане повело се єднимъ тренуткомъ за младымъ козакомъ; єрь докъ су іой нѣгове устне речи о любви изговарале, сведочило є нѣгово лице о истини нѣгова чувства; а суровый Якубовскій, кои ю є такође равно любіо, и то свєсрдно любіо, пробудіо є своіомъ проситбомъ више боязни него праве любви. Ана є любила Димитрія, и то ніє ни одъ когъ крила, и нѣни родители были су козаку наклонѣни; мати збогъ тога, што є быо имућанъ господинъ, а отаць, што є быо човекъ веселе нарави, кои му є своимъ завадама и целымъ своимъ животомъ нѣгову младость на паметъ приводіо. Двапутъ су се Мохила и Якубовскій збогъ госпођице борили и двапутъ є морао Якубовскій побеђенъ Мохоли съ боишта се уклонити. Већ є была госпођица Ябика съ господиномъ Мохиломъ обручена, и сватба є имала свршити се безъ одла-

ганя, када се они несрећни случаи надъ Польскомъ као облаци навукосе, кадъ онај унутрашній ратъ, Хмелницкимъ подпалѣнъ, букну, кои се текъ у позднимъ годинама съ паденіемъ козакства и ослабленіемъ Польске окончао.

Ябика добіе заповестъ одъ Хмелницкогъ, да са своимъ полкомъ што брже може къ Белой Цркви ступа. Старый полковникъ колебао се, да ли ће заповести Атамана слушати, или свой полкъ польскомъ Хетману водити; али на последку войничка дужность и воена дисциплина одржи побѣду надъ бригомъ Поляка, кои є приближаваюћу се несрећу тамно предвиђао, о плановима Хмелницкогъ ни најманѣ незнаюћи. Онъ се само за єданъ тренутакъ предомышляо, па затимъ оде са своимъ полкомъ у Белу Цркву, и поведе са собомъ супругу и кћерь, рекавши Мохили: „у Белой Цркви благослови ћу васъ; отаць Атаманъ неће ми кратити, мою кћерь къ олтару привести!“ Младенци су истина при разстанку плакали, али є опетъ єдно друго тѣшило речма: „Мы ћемо се видити за неколико дана!“ Мохила бы одма съ

нѣма одѣздіо, али є башь тада неодложный налогъ добіо, да се кодъ свогъ уяка, княза Димитрія Вишньовскогъ, што брже може на-
ђе.

Якубовскій као асауль Хмелницковъ знао є доста планова Атамановы, али не све; єрь Хмелницкій самъ говораше увекъ: „Самъ Богъ светый, а може быти и ѣаво, знаду шта я мыслимъ и шта намеравамъ, а другій нико;“ па є тако и радіо. Но то є Якубовскій знао врло добро, да ѣе Мохила и збогъ самогъ нѣговогъ близкогъ сродства съ княжескимъ породицама Вишньовѣцкогъ и Збарацкогъ, као и збогъ наклоности нѣгове, свакадъ и свуда съ Лѣхима држати. Съ друге стране опетъ видіо є сву Ябике нерѣшителность; са свыма овымъ известіама пойти онъ къ Атаману: „Она ѣе быти моя —, она ѣе быти моя“ повтаравао є у себи целымъ путемъ, тако као што човекъ омилѣну песму у себи пева.

Напрасно се обелоданише издайнички умышляи Хмелницкогъ. Старый Ябыка буде одъ Атамана обезчестѣень, нѣга окую и у замакъ Це-

ринъ затворе. О Мохили дође известіє, да є о свомъ трошку єданъ козачкій полкъ установіо, и да є съ истимъ подъ заставу княза Вишньовскогъ ступіо, да Нѣговомъ Величеству кралою и республики служи. Якубовскій напротивъ поставне полковникомъ Чехриньскогъ полка; ово є была прва награда за нѣгово прво издайство. —

Залудъ су стара Ябика и млада Ана пале къ ногама Хмелницкога на колена; залудъ су проливале потоке суза на ѿиліме, коє є нѣгова нога газила, и изпуњавале нѣговъ шаторъ єцанѣмъ, яукомъ и молбомъ. У найвећемъ степену распалѣнъ, одъ лютине, а може быти и одъ якогъ пића изванъ себе, повиче онъ: „Одлазте испредъ мой' очію! Ко мене безусловно неслуша, тога мачемъ по глави!“ и изтера ій изъ свогъ шатора, као што се одъ прилике пси гоне или као што старогъ просіяка изъ еврейске собе изтерују.

Іоштъ у вече тогъ дана дође Петаръ Якубовскій къ нѣима жалостно, али постоянно и безъ свакогъ околиченя започне имъ говорити: „Я имамъ строгу заповѣсть одъ Атамана, али моя

ће га молба ублажити ; или ће сутра Ана Ябика быти моя , Петра Якубовскогъ супруга , или Симонъ Ябика изгубиће животъ ; изберите едно коєгодъ !“ „Стара Ябика плакаше горко ; но Ана ступи и безъ єдне сузе у оку , къ Якубовскомъ и пружи му руку : „Сутра ће Ана Ябика быти жена Петра Якубовскогъ , али іоштъ данасъ нека Атаманъ изда заповѣсть , да се мой отаць ослободи. — “

На сатъ после одєзди єданъ козакъ у Церинъ съ налогомъ , да старогъ Ябика ослободе , и донесе му у истый ма и поставленъ за управителя замка Батуринскогъ. Слѣдуюћегъ дана было є бракосочетаніє Ане Ябике съ Петромъ Якубовскимъ , и Атаманъ самъ одвео є нововенчану одъ двери ; ово є была друга награда преѣашнѣгъ издѣйства , и последнѣгъ доброго дѣла.

Пошто су Московію прешли , прекриле полкови Хмелницкогъ као ято скакаваца Польску. Якубовскій предвођаше предню войску и убіяше свою браћу (Лѣхце) Поляке , и опустошаваше свое отечество. Око Слуца и за Слуцомъ

засео є неверный Атаманъ у своіой домовини са своимъ бунтовнымъ гомилама и Москва ставляла є у свимъ градовима, замцима и свимъ утврђе-нымъ местима посаде, да бы се Хмелницкій на кормилу одржао, и мало по мало на туђе руко-вођенъ привикао, а притомъ да бы у Поль-ской семе свогъ господарства посеяо. У то доба добіє Якубовскій Слободицу и мно-га друга наслѣдна места и притяжанія Мохило-ва за свою собственость.

У почетку войне виђао се Дмитріє Мохи-ла увекъ предъ своимъ полкомъ; неуморимъ, храбаръ и дрзновенъ, као што є свакадъ было, убіао є свое неприятелъ; али касніє наѣданпутъ небіяше о нѣму ни гласа ни трага, а нитко не-знађаше, да ли є у битки пао или другкуда о-тишао, да отечество брани и за нѣга се бори.

Петаръ Якубовскій узме свою жену и ста-ни се у Слободици, єрбо є тако Хмелницкій за-поведіо, а Богданко ніє трпіо никаква одговара-ня кадъ є заповедао. Нѣму є была маленкость заповедити: „Одсеци му главу!“ Ана роди свомъ супругу сына; али као и пре тога, остала є и

затимъ увекъ еднака справъ нѣга, ладна, сну-
дена, шта више и равнодушна; али е притомъ
страдала у дубљини душе и нїе могла никадъ
до тога довести, предъ другимъ на свое собстве-
но дете осменути се, и у присутствію свогъ му-
жа плакати; и чимъ се нѣне мисли забавляху то
нико нїе знао, осимъ нѣногъ духовника, а овай
неказываше никомъ. Нѣна се лепота угаси, нѣ-
но се здравлѣ източи; са страданѣмъ душе и о-
печалѣнымъ срдцемъ одвіяла е клупче свога жи-
вота. Съ тога е страдао и нѣнъ супругъ, кои
е найсрдачнїе любїо; и тако су были обо е не-
срећни

III.

Протекло е неколико дана одъ оногъ тре-
нутка, кадъ е Ана првый путъ пре две године
у присутствію свога мужа плакала. О, колико е
добра овай тренутакъ учинїо! Чинило се, као
да се съ тимъ сузама, ако и тешко, аль опетъ
мало по мало сва моћъ страданя излила, коя
їої е срдце гризла, као рѣа гвожђе. Тай трену-
такъ сасвимъ е променїо; садъ е говорила са
своимъ супругомъ, часъ о Димитрію, иль е ми-
ловала свое дете, часъ е нѣно бистро око пре-

медало пустаре Слободице, иль є сматрала свой заручный прстенъ; свакадъ пуштала є найпре по неколико суза, но после є была увекъ прїятнїя и веселїя, и самъ осмеякъ, дуго време изгнанный странаць на нѣномъ лицу, посѣштавао є кадъ и кадъ нѣне устне и играо се неколико тренутака съ нѣима и украшавао є тако слаткомъ живота дражести онай животъ, кои є досадъ тако невесело, тако мртво протицао. Тежакъ є было за супруга лекъ, кои є измыслио за болестъ свое жене, но онъ є, кодь свега самовольства, кодь све маане нѣговогъ характера, имао добро срдце. Вторично говорїо є у себи: „Я самъ узрокъ и виновникъ нѣне несреће; зато ћу їой дакле баръ несрећу олакшати, да бы башъ мою собствену срећу жертвовао, башъ да бы своевольно мой животъ окончао; за мене и онако нема никакве среће на земљи; она ме не люби, а я є тако свесрдно любимъ; нашто ми дакле животъ? да ме люди попрeko гледи, и да на самогъ себе мрзимъ?“ Тако є мысліо, и ништа га нїє уздржавало, са своїомъ женомъ опеть и опеть о Димитрію говори ти. Часъ бы є опоминяо на старо ашикованъ;

часъ бы іой изявльивао сажаленъ о нѣной и Димитріевой судьбины. Често бы га опеть ватао стра, да се nebude каква несрећа Димитрію догодила, и свакадъ бы томе придавао свое обећанъ: „Само ако къ нама дође, одма ћу га съ Атаманомъ помирити, и све му повратити, што є нѣгово.“ Ана му є нѣгове речи плаћала сузомъ благодарности, осмейкомъ благодарности, а и єднимъ и другимъ парала му є срдце; онъ є страдао и само є кадкадъ саняо о варльивой игри надежде. „Благодарность ће є на мене привикнути, па ко зна, можда ће іой некадъ и любовь къ мени ули!“ Тако є іоштъ тврђе заключію, на овай начинъ придобити любовь свое жене, кою є тако свеердно любію, а коя га ніє любила.

Найпре се ніє показивала Ана гостима, кои су господина Якубовскогъ поодили, и збогъ тога се просуо гласъ, да є онъ любоморанъ и да држи жену затворену, као у турскомъ харему. Но овай є гласъ быо неоснованъ; како бы є радо и весело целомъ свету показао, съ каквымъ бы є поносомъ представію; као што човекъ свакадъ съ удовольствомъ сматра и жели, да дру-

ги оно хвале, што онъ притяжава, и да му тога ради завиде. Али онъ то ніе могао; Ана ніе хтела. — Садъ пакъ ишла е сама къ нѣма, говорила съ нѣма и красила угостителный домъ красомъ пріятне домаћице, красомъ, кои съ обчараваюћомъ дражесћу посѣте примамлюе. Но опеть она то ніе чинила, што е сама у томе задовольство налазила; већъ нѣномъ мужу за любовь и благодарности ради, да бы жертву жертвомъ наградила.

Пређе е ніе могао нико склонити, да баръ корачи изъ Слободице, као да е хтела жива закопати се у Димитріевъ замакъ, а садъ е често говорила: „Оћемо ли се у сусѣдство извести?“ И нѣногъ мужа ніе више звала „господаремъ“ него „мужемъ“ а кадшто и „Перо!“ Каква брза промена!

Онъ іой е набавляо свилене комаде, и златомъ извезене альине, бисеръ и драгоцѣности, самуръ у великомъ числу, на кратко све, што е само пожелити могла, осимъ птичіегъ млека, ерь то се ніе могло нигди добыти.

Бсу ли іой те ствари радость чиниле, или не, то ніє могао нико изкусити; али се свакадъ на нѣга любко осмейкивала, да бы му тиме благодарность указала. Она є себи предузела была, пробудити у нѣговомъ срдцу надежду, да ће га некадъ изъ благодарности іоштъ срећнимъ учинити моћи.

Долазећи гости и они сусѣди, кои Ану пређе нису познавали, говорили су: „Како є срећанъ Якубовскій, онъ има добру жену, коя га срдечно любви!“ Они пакъ, кои су є пређе познавали, говорили су касніє: „Како є страстно любила Димитрія, а садъ га є заборавила, но ніє чудо, — као све жене!“

У очима людій имао є Петаръ Якубовскій бремя велике среће носити, а у свомъ собственомъ срдцу подранъивао є горку жалость, непрестано у мыслима и на устнама имати име любезника оне, кою є онъ самъ любіо, и коя є іоште нѣгова жена была, а несмети о нѣму ни са сенкомъ лютине или мрзости говорити. — Шта више онъ га є морао сажалѣвати као несрећногъ пріятеля! Какво мученѣ за нѣга! Али се

прва награда нѣгове жертве већъ указивала, и у дальнини светліо му є зракъ надежде.

Такавъ су животъ проводили ови супружници у замку Слободице; ту се єдномъ договоре, да се єдне неделѣ у ютру у Тихурѣ, у цркву Базилянску на богослуженіе иввезу. Ана нити в была жалостнїя, ни веселїя, него другїй путѣ, и онай є истый покой почивао на нѣномъ лицу, кои се обично на нѣой одѣ некогъ времена виђао.

У путу говоріо є Якубовскїй о Димитрію; онѣ є рекао, да ће дати службу служити, и да ће сиротинѣи милостинѣ делити, да бы му благїй Богъ срећу и скорашнїй повратакъ даровао; єрѣ „онѣ мора быти живѣ“ придода онѣ, „то ми каже мое предчувствованѣ“ Изъ благодарности жена га полюби у чело: „Како си ми добарѣ Перо!“ И суза заблиста се у нѣнымъ очима, а тихїй осмеякъ появи іой се на устнама. Никадѣ му нїє полюбацѣ дала изъ собственогѣ убеђеня.

У цркву приспевши, падне Ана на колена и моляше се Богу топло и усрдно, кадѣ су ка-

луђери у пуномъ лику нѣюве обичне химне у славу Бога створителя и дѣве Богоматере и избавителя човечіегъ рода певати почели. Наѣданпутъ просусе смртно бледило по лицу молеће се жене; она клону и поведе се, и стрпоштала бы се на каменитый подъ (патосъ), да єніє мужъ преватио и у сакристай*) однео. Ту отвори она опеть очи. „Мени є лоше было!“ рекне она и усиляваше се да сама устане; али се мораше на руку свогъ мужа ослонити.

„Срдце мое, шта ти є?“ — „Мени є лоше было! — ал' ніє ништа — проћи ће. — Айде да се домавратимо.“

„Ангелу мой, айд'мо болѣ отцу игумну, тамо можешъ мало одпочинути.“

„О не! хвала ти, айде да се вратимо.“

Чекай іоштъ єданъ тренутакъ, любезна Ано, узми єданъ гутляй воде, ты си сва бледа!“

*) Сакристай зову у римской цркви до олтара озидану собу, гди се свештеникъ облачи, и гди се одело и друге црвене ствари хране.

„Ништа зато любезный войно, дай да се вратимо!“ На то га увати за руку и погледи му у очи тако молбено, да нѣной жельи нїе могао противостати.. Они се врате.

У путу сети се Якубовскій и рекне: „Я неимадо кадъ, новце за службу Дмитрієву дати; но я ћу їй послати одъ куће“ али Ана нїе одговорила, она є остала нема, само в неколико пута дубоко узданула, као да їој грдний какавъ тереть на срдцу лежао. Мужъ се у мыслима мучїо погодити, шта є могла у цркви видити или чути, и увекъ є заключїо: „Опоменула се старогъ доба!“ Ана є была жалостна и дубоко замышлѣна; али є према мужу была любезна и миловала є своє дете; само, кадъ є нѣнѣ супругъ о Дмитрію говорїо, опеть є мучкомъ умукнула.

У то време позове Богданко Хмелницкїй неку часть козачки поглавица у Перѣславъ. И Петаръ Якубовскїй мераде тамо ићи. Кадъ се са своїомъ женомъ праштао, пригрліо є тужно къ прсима и полюбіо є тронуть, а она га є молила: „Немой дуго остати, врати се што ско-

ріє! “ и съ тимъ речма преда сынчића отцу, и тежка жалость обузме іой сердце. Са сузнымъ очима одездіо є Якубовскій изъ свое куће, пошто є надзирателю и капетанима вторично бдителность и предосторожность препоручіо; єрь они су живили, у немирной земљи, у коіой є рать бесніо, и у коіой є смртна тишина, безъ свакогъ повода, у неколико тренутака страшну олюю породити могла.

IV.

Сунце є далеко за Скриловѣцку шуму зашло, и нѣговъ є залазакъ быо црвень као крвь, а то є знакъ близке олує, то є быо тренутакъ пуњ дубокогъ размышляваня. Свакій човекъ, быо онъ кои му драго, кадъ погледъ на заодеће сунце обрати, мора єданъ тренутакъ дубокомъ размышляваню посветити; єрь то є прелазакъ изъ покрета живостне светлости живота, къ таѣномъ покою, образъ вечногъ смртногъ сна.

У замку Слободице, седила є лепа Ана кодъ високогъ прозора свое собе, држећи на крилу сынчића, кои часъ дижући се, часъ опеть спущаюћи се свое слабачке ручице пружаше,

да сладке образе свое майке помилує, или се съ нѣнымъ црнымъ коврчацама игра. Она одбіяше рукомъ милованѣ детета, бацаюћи погледъ у дальину на црвено сунце и на жућкасту пустару, коя се већъ у магловиту одећу сумрака облачила. Она уздане, и у томъ тренутку увати є дете за прстъ, и хтеде силомъ прстенъ съ нѣга скинути — заручный прстенъ Димитрієвъ. Топле сузе стаяле су у нѣнымъ очима: „Може быти, да є онъ быо. — Нѣговъ є гласъ быо. — Али не; ніє онъ быо, — онъ ніє могао быти, како бы могао онъ тамо доћи“? — Она спусти главу къ детету, и полюби нѣгову плаву косу.

На то ступи надзиратель замка унутра, поклони се, сглади косу и поглади браду. „Милостива Госпо, дошао є некій бразиліянскій калуђеръ, изъ Трихура, онъ є одъ отца игумна.“

„Онъ ми є добро дошао. Доведите ми га господинъ надзиратель!“

„Онъ жели съ вама, милостива госпо, насамо говорити.“

„Нека дође.“

Надзиратель отиде, Ана устане, отнде у другу собу, преда дете дадилъи, и врати се опеть у прву собу.

У соби є стояо калуђеръ самъ самцитъ. Али што диже тако поносито главу, што тако страовито разгледа по соби, та онъ є текъ калуђеръ, а не заповедникъ целе землѣ, не Атаманъ одъ Запорога.

А она, зашто є она сва уздрктала, зашто є свое велике очи оборила, и несме напредъ ни крочити, та она нїє повина робиня харема, кою є разлюћеный Паша къ себи посвао; она є богобоязльива Христїанка, коя предъ свештеникомъ божїимъ стои.

Калуђеръ мааше главомъ : „Ано, Ано!“ — Она се наслони на дуваръ. — „Ты си Димитріє!“

„Я самъ, Димитріє Мохила, твой любезникъ“ и приближи іой се хтевши є за руку уватити.

„Димитріє смилуй се, я имамъ мужа!“ и падне на колена.

Онъ є нїє подигао, онъ є нїє дирнуо. „Невернице!“ рекне іой съ таквымъ гласомъ, као да

ће му срдце последњимъ смртнымъ уздисаємъ узданути.

Обое мучаху неко време. На нѣговомъ бледомъ лицу появи се потмулый изразъ неизказаногъ чувства и дркташе тако тужно, и тако севаюћи у нѣговымъ мишићима, као пламенъ на гроблю. Біяше ли то жећъ за осветомъ, или очаяванъ? Нѣговъ погледъ быо в смућенъ, нѣгово чело помрачено, нѣговъ виткій стасъ ніе светліо у прећашнѣмъ жару, ни у одважности, коя свакой несрећи пркоси, коя є знакъ човека, кои више оће, него што може; но онъ ніе ни клонуо подъ теретомъ несреће, кое є знакъ пропасти у несрећи, просяченъ за милость и сажаленъ, — онъ є стояо съ онымъ умеренымъ покоємъ, кои свакоме говори: „я те неморамъ плашити, али и непотребуємъ твое помоћи, или ма чіегъ сажаленя; я страдамъ, али самъ самъ себи доста у момъ страданю.“

Она подигне сузне очи къ нѣму, као да бы му опоры речъ задржати хтела: „Димитріє, ты знашь све!“ „О я све знамъ, дай ми руку Ано!“ Онъ є увати за руку, и она се дигне, но изву-

че одма своју руку изъ нѣгове. „Димитріе, ты си калуђеръ!“ —

„Я нисамъ калуђеръ Ано! я самъ узео на се одело калуђера, да се тебе ради осветимъ, да се мене ради осветимъ.“

„Я имамъ мужа!“

„Издаицу отечества, издаицу човечества!“
Она побледи, али му ни словца неодговори.

„Чуй ме Ано“ продужи онъ, „одреци се тогъ зликовца, човека безъ чести и верности“ и хтеде є за плећа уватити. Нѣгове су очи светиле любовомъ и молиле су понизно.

Она му се уклони и повиче брзо, као да бы свомъ срдцу насиља чинила „о не, не, онъ є мой супругъ!“

„Твой супругъ?“ промрмля крозъ зубе, подмуклымъ као изъ гроба гласомъ; „и ты га любишь Ано?“

Она є ћутала.

„Говори Ано, ты си съ нѣимъ срећна?“

Она прошапће „срећна!“ и покріе свое лице рукама. „Срећна! — невернице!“ — по-

вече Мохила и у томъ тренутку узправи се страшно, нѣгово се лице намршти; онъ е стаяо као дивльїй вѣстникъ смрти и опустошаваня, као Атаманъ изъ Запорога, кадъ са своіомъ младомъ четомъ противъ Перекопа ступа, да татарскомъ сыну обзнани: „Нећешъ ли, што я оћу, то ће ватра и мачъ свое чинити!“

„Чуй ме Ано, ты нећешъ са мноми ићи, нећешъ га оставити? Смртъ нѣму, смртъ свимъ нѣговимъ, я ћу се осветити. То ћете видити!!“

Дркћући, бледа као мртвацъ, падне предъ нѣга на колена: „Заустави се Димитріе, онъ е обећао, све ти повратити!“

„До тебе!“

„Онъ е тако добаръ — онъ ме тако свесрдно любви!“

„Одлази, невернице“ и одтури. е одъ себе „ты тежишь за нѣимъ, одлази, одлази!“

Она дубоко уздане, и лице іой клоне на голый патосъ; жарка е врућина пробіяла; ледена е ладноћа крозъ жилице пролазила; ужасъ е обори на земљу и она се обнезнани.

Кадъ ѣ очи отворила, лежала ѣ на ястуку, а Базилянскій калуђеръ Мохила, клечао ѣ покрай нѣ, и поливао ѣ сузама, да бы ѣ повратіо, и притискавао ѣ нѣну бледу руку, часъ на свое устне, часъ на срдце.

И неотвараюћи устне тихо ѣ шапутала „Димитріє, о мой Димитріє!“

„Ано, ты ме любишь!“

„О любимъ те, любимъ!“

Мохила примагне лагано свое лице нѣнымъ образима, свое устне нѣнымъ устнама и полюби ии. „Ты си моя; — моя навекъ!“ и пригрли нѣно нѣжно тѣло.

Она се отимала и изтргне се изъ нѣговогъ наруча. „О не, не не!“ и устане; нѣне су очи севале, а лице іой ѣ было зажарено; она склопи свое руке као на молитву, и рекне съ неизказаномъ тугомъ: „Димитріє, смилуй се; я имамъ супруга!“

Онъ прекрсти свое руке, и подижући ѣ къ себи рекне: „Ано, смилуй се, я те любимъ!“ —

„За насъ нема сређе на земљи!“

„За насъ, Ано, за насъ“ и изнова хтеде

є загрлити; она одби іоштъ єданпутъ нѣгове ватрене полюбце, и загрляе. „Димитріє — моя дужность — люди!“ и нѣне очи молиле су тако силно, као да се живота тицало.

„Ты ме нелюбимъ Ано!“

„О! я те любимъ!“

„Кадъ ме любишь Ано, а ты буди моя!“

Онъ є увати за руку и привуче є къ себи; у почетку ніє се отимала; но наєданпутъ престане: „Чуй ме, Димитріє, я ћу побећи съ тобомъ!“

„Кадъ?“

„Данасъ!“

„Одма дакле!“

„Како то? Та іоштъ є данъ, могли бы насъ видети!“

„Истина! Ноћасъ дакле!“

„А страже?“

Онъ се мало промысли.

„Чуй ме Ано, у соби твога — онъ шкрипаше зубима — тогъ издаице, за єднимъ тапетомъ, онде, гди є высіо ликъ могъ отца, садъ незнамъ,

да ли є іоштъ тамо“ — — Онъ яко уздане — „О та я знамъ, да є ту у моіой соби тай издаица себи место пребываня изабрао; ту у зиду ударенъ є єданъ ексеръ, и замазанъ є кречомъ — води ме тамо.“ „О не, я ћу га зацело наћи, говори далъ, Димитріє!“

„Да, ты ћешъ га наћи; на гладкомъ зиду има єдно примѣтно угнуто место, ту притисни мало прстомъ, пакъ ће се отворити мала врата, видићешъ предъ собомъ степене; немой се плашити, Ано, ако су и тавни и яко изкривудани, они ће намъ добро донети, єрбо є то путь къ мени, къ нашей срећи; држи се само рукомъ за зидъ и иди слободно далъ тимъ подземнымъ одникомъ; неможешъ погрешити; неиди ни корака натрагъ већъ све напредъ; кадъ наєданпуть чуєшь великій шумъ, немой се уплашити; то є разговоръ Хнилопіята са шлюнкомъ и стенама нѣговы обала. На томъ ћу те мѣсту изчекивати, моя любезна, моя єдина; па онда ћемо наћи места у пространомъ свету, онда намъ срећа неће оскудѣвати; Ано, Ано, обећавашъ ли ми то?“

Она обори своє очи, поцрвени у целомъ лицу као нѣжанъ плодъ лепе малине (ягодняка); и само тихо дрктанъ обузело є нѣне чланове као што ветрићъ колеба лишће тополе. „Я ти се обећавамъ, Димитріє, шептале она, притискавајући му лагано руку.“

Онъ іой полюби руку. „Ано, моя Ано!“ Гласъ му є дрктао, нѣжно руменило обузело му є лице, очи су му были усіяне као жива жеравица; усіяно врућъ воздухъ излазіо є изъ нѣговы уста.

„Димитріє бежи; єрь то све не може намъ за рукомъ изићи.“ Она є дрктала као одъ грознице.

„Ано, єданъ полюбаць!“

„Мой супруже!“ и полюби га „бежи Димитріє!“

Онъ є страстно полюби, и загрли силно. „Съ Богомъ Ано!“ — У поноћи! — Немой забравити!“ — Онъ є остави и оде брзо напољ, да бы се силомъ и наєданпутъ одъ нѣ одтраго, и уклони се као піанъ, као изванъ себе.

Она се спусти на ястукъ: „Димитріє, поче-
кай само іоштъ єданъ тренутакъ! — Димитріє!“
и пружи своє руке за нѣмъ, а устне се скупе
као за люблѣнѣ; очи іой се у полакъ склопе,
лаке трепавице спусте се, и нека чудновата, не-
позната милина, неко сладко неизказано чувство
прође іой крозъ душу, крозъ цело тѣло. Аль
онъ є већъ быо изъ себе изчезао.

Єданъ добаръ сатъ трајо є разговоръ го-
спође изъ замка са Базиліанскимъ калуђеромъ,
и нико се ніє смео усудити прекинути га, прем-
да се више пута чуло тужно плаканѣ, дубоко
уздисанѣ и угушено єцанѣ, прекидано яснимъ
разговоромъ; нико се ніє усудио у собу ући, єр-
бо є господаръ строго забраніо, никадъ госпо-
ђи на очи неизлазити, ако она сама непозове.
Она ніє звала, и тако нико не уђе унутра, прем-
да су дадила Тетіяна и управитель замка, Се-
мень, старый и повереный слуга и с'путникъ у
рату Петра Якубовскогъ, сасвимъ близу были,
готови, нѣной заповести одма слѣдовати.

V.

Дубока црна ноћъ , као у гробници , почи-
вала є на пространомъ божіємъ свету ; місяць
непросипаше свою сребрну светлостьъ съ небе-
сногъ свода, и звѣздице чиняху се, да су изче-
зле до последнѣ. Ветаръ є урлао као да є изъ
десетъ пута десетъ хиляда уста наѣданпутъ ди-
сао, и мрмляо є чудновате, жалостне речи чво-
ровима стогодишньи растова. Са сатанскимъ
урланѣмъ звиждао є у суве гране трня, и бес-
ніо є съ шумомъ у трави пустаре.

Одъ Швайковке пловіо є по брзомъ повр-
шію Хнилопіята чамаць; два веслара плѣскали су
овде и онде са веслама; трећій є човекъ стаяо
мирно у чамцу, и гледао є испытуюћимъ окомъ
по тавной површини, немогавши ништа видети.

„Єли іоштъ далеко улазь?“

„Іоштъ петдесетъ пушкмета, милостивый
отаць!“

Садъ се чуло изъ урланя ветра као даль-
но лаянѣ паса’.

„То є Зурбово добро!“

„Живили старый Зурба.“

„Чудо є што іоштѣ живи; али онѣ нїє више на салашу; како смо ти милостивога господина изгубили, одма є и старогѣ нестало — овай нитковѣ Якубовскій даде то добро свомѣ слуги, некомѣ покрштеномѣ Евреину, и старый Зурба буде принуѣенѣ, тумарити у прошню.

„То вамѣ дакле тай издайца чини много зла?“

„Ахѣ, и да є іоштѣ толико добарѣ, опетѣ неѣе быти такавѣ, као што си ты, добрый отче. Ту нетреба више ни говорити: твой отацѣ быо є добарѣ господарѣ за наше очеве, твой дедѣ за наше дедове, тако є свакадѣ было, и твоя деца, господару, мораю опетѣ некадѣ быти господари нашей деци!

Мохила є уздисао. „Не буди жалостанѣ, господине, тако ѣе быти; то є твое притяжаніе, твоя Батковска; то нити ѣе преиначити г. Хмелницкій, премда є врло силанѣ, нити белый царѣ, премда є врло милостивѣ. Као што су намѣ Якубовскога силомѣ за господара дали, тако ѣе тога силомѣ и отерати; кажи само єдну речѣ, господару, и мы сви стоимо готови!“

Мохила є промышляо, а другій весларѣ придода: „Уласѣ добро говсри, заповеди добрый

отаць, пакъ ћешъ видети, како ће Якубовскогъ за тилый часъ ђаво однети; ерь што є истина, остає истина; онакавъ господаръ као што є Якубовскій, такавъ ніє нашъ господаръ Мохила; питомый зець ніє іоштъ правый зець; заръ онъ говори съ людма, као господаръ са своимъ подайницима? — Кодъ нѣга нема друга разговора, него: „одлази хуло — чини то пася вѣро — остави то псино!“ — као да су люди сами пси. А нѣгови надзирательи батинаю наше же не безъ узрока, прикатанче наше люде у колица, па ни бриге, туку ій воловскимъ жилама или камціяма, и стригу старцима на срамоту браде. О тако небяше подъ милостивымъ господаромъ.“ Садъ залає опеть єдно псето на салашу, и петао кукурекну.

„Уласъ, Мато, поноћь є прошла!“

„Петао првый путь поє; али ево и Слободице; садъ є све мирно; ерь су страже непріятельскогъ господара бодре, и тумараю као вештице.“

У дальини светлила є слаба светлостъ на кули замка, и купала се са слабымъ одблескомъ

у води; ал' тако слабо, да се ни сенка одъ зда-
нїя у замку или одъ угла куле на чистомъ о-
гледалу Хнилопїята нїє видла.

Мошили є яко куцало срдце; а нестрплївї
и брига разтрзале су му мысли. Не изъ предо-
сторожности или бриге, већъ што є као вой-
никъ тако научїо, увати се за пиштолѣ одъ по-
яса подѣ козачкомъ альиномъ и намести држакѣ
свога ятагана. Онѣ є хальине базилианскогѣ
калуђера свукао, и стаяо є као козакѣ обученѣ,
у свичку, у широкимъ шараварима, и овчиїої
кожной капи. У ноћной тамї нити си могао нѣ-
гово лице ни нѣговѣ стасѣ разликовати;
па опетѣ бы врло занимљиво было, види-
ти, како дивлѣ, фанатичко дете украине, прї-
тель саме явне битке, ту каквомѣ крадљив-
цу подобно, на чамцу плови, не да вароши
турске пали, ни да дивљимѣ певанѣмѣ смрти
татарскогѣ сына поплаши — не, — него да же-
ну украде, и то туђу жену. — Ако є и буктіо
пламень любви у нѣговомѣ срдцу, ако є и ла-
скала сладка надежда нѣговой усхиђеної души;
опетѣ му є морало нешто стида на лицу по-

явити се; ніє могуће да є могао очима слободно око себе погледати; єрѣ тако нису запорожки младићи никадѣ чинили; они су спалъивали замке, секли посаде; — али нису туђе жене крали, већ су їй отимали у по' дана или у светлой ноћи, кадѣ имѣ є уништожаваюћій пламенъ светліо. То є было знакѣ, да є запорожаць умео туђе добро узети, али се притомѣ ніє страшіо борбе и гоненія.

Чунѣ се на лево савіє, дотакне се тихо своіомѣ долньомѣ части ситны шлюнака обале и заустависе. Мохила нагло скочи на полѣ, вода плюсне о чамаць, песакѣ на обали шкрипну; садѣ сєну на обали, више пушака пукну; приврло краткотраюћой светлости примѣти Мохила неколико люди на обали; за часакѣ извуче свое мале пушке (пиштолѣ) иза пояса, и опали на ону страну.

Жестока вика заори се, и гласѣ се зачу:
„Ха трчте — уфатите ниткова!“

Али є Мата Мохилу за поясѣ већ уватіо было и силомѣ у чамаць увукао. У мраку потрче многи люди кѣ обали, те су у воду скочи-

ли, и пуцали су по другій путь, да су оловне кугле, као у обкладу са сильнымъ и брзымъ удараньмъ весала, у воду са звижданьмъ падале; при пуцаню вишло се, како є чамаць низъ воду пловіо. — Юштъ єданпутъ пукне пушка одонудъ, и малый, больомъ угушенный гласъ повиче: „Чекай само, издайнице! невернице! Мы ћемо видети!“ — И садъ нестане свега у ноћной сенки, и ветаръ є урлао као и пре.

Докъ є Мохилу Мата на чамцу по Хнилопιάту, нѣговомъ наслѣдномъ добру, возіо, парало се Анино срдце у замку сильнымъ страсти према нѣномъ любезнику, очаяня пунымъ чувствомъ према мужу и матерньомъ нѣжности према свомъ сынчићу. О какву є паклену муку она подносила за оно неколико сатій одъ сутона до поноћи! Какве су се грозне сузе рониле низъ нѣно лице! Како се тепло Богу молила! Съ каквымъ є жаромъ любила свое чедо, любила свете иконе! У почетку є сазвала свое домаће, дойкиню, служкиню, ватацкогъ надзирателя, и погледала ій є све съ тако тужнымъ и молебнымъ погледомъ, као да бы хтела єдну єдиту речъ одъ нѣи из-

просити, да іой савѣтую. Но они су ћутали, ерь ій она ништа ніє пытала; а нису ни знали ништа, башъ ништа, нити су и могли знати. Само є Тетіана, послужителька, нарочито данасъ свесрдно сажалѣвала, сама незнаюћи зашто, и носила є, страомъ обузета, почешѣ сынчића къ матери, да бы се ова милованѣмъ у нечемъ баръ разведрила. Ватацка Семень было є, као и увекъ, озбилянъ и ћутао є.

Немирь отера є саму самциту у собу, у којој є нѣнъ мужъ оружіє, скупощености и папире држао. На дувару высіо є єданъ ликъ, али црномъ свиломъ покривенъ. Ана подигне покривало и одкріє ликъ Єреміє Мохила, войводе Кієвскогъ, отца Димитрієвогъ. — Како є яко наличіо сыну! оно исто угасито плаво, страстно око, оно исто поносито чело, оно исто лице, онако исто бледо, и ватрено. Ана га є сматрала съ немымъ усхићенѣмъ и срдце іой се ширило у чувству любви. Ово є онъ истый, сущый!“ Она подигне ћилимъ и нађе описано іой угнуто место у зиду. Већъ е была пружи-ла руку, да ексеръ притисне; кадъ наєданпутъ

и то сасвимъ изненада нешто у соби лупи. Она пусти Ћилимъ и тргнесе. Погледи на све стране по соби, а ништа ніє видла; напоследку примѣти у другомъ углу собе великій мужев-лѣвъ мачъ, кои є ексеръ, на комъ є висіо, изъ зида извадіо, и на патосъ пао быо. Колико мыслій разтрзаше нѣну душу при овомъ угледу! Но око іой се наново обрати лику Єреміє Мохиле, и она и подругій путь приступи къ тапету! На то дете у трећой соби врисне и стане плакати; нѣно матернѣ срдце уздркѣе, она помисли: ядно дете, оно моли: „Мати неоставляй ме као сироче.“ Садъ ступи къ прозору, отвори га, погледа у дальну равнину и тражила є воздуха усіянымъ устнама; видило се на нѣой, како се трудила, ноћномъ ладноћомъ разладити пакленый жаръ у нѣномъ срдцу; никакве мысли небыше у нѣной души, она є была ванъ себе. Мало по мало текъ опоравила се и дошла є къ себи; ветаръ дуваше у авліи замка, а дете вришташе у дальной соби. Анине очи пливале су у сузама и она є шапутала. „Нећу ићи! не, нећу ићи!“

Ово тихо: „нећу ићи!“ была є парола, єрѣ у томѣ тренутку пукле су оне пушке на обали. Ана врисне страшно одѣ болѣ, увати се за прозорѣ и стропошта се; єрбо є снага изневерила. На нѣну вику потрче служкињѣ, и наћу є за дрво прилюблѣну, али безсвестну. Нїє се знало, да л' є хтела крозѣ прозорѣ скочити, или га затворити. Сви се узбуне и болестну госпођу морадоше одма у креветѣ однети.

Слѣдуюћегѣ дана мораде болна Ана у кревету остати. Она немогаше главу подићи; нѣнѣ слабый погледѣ тумарао є по соби; зраци сунчаныи сїяли су се на скерлетно-црвенимѣ ѣилимима, кодѣ кревета седиле су две служкињѣ, мало далѣ на столици седила є Тетїяна, дойкиня, детенце люляюћи и топле сузе проливаюћи. Ана є узданула неколико пута; чинило се, да бы говорити хтела, али нїє могла гласа пустити. На последку рече: „Шта є то было?“ и уздркѣ на те речи у целомѣ телу, а очи їой потавне; хтела є знати, али се бояла чути, шта се догодило. Ёдна одѣ слушкиня рекне: „Јуче хтедоше се неки люди потайно у замакѣ увући. Томѣ приликомѣ убїєнѣ є Ватацка Семень.

„Убієнъ?“ повтори Ана, и и преки-
не говоръ.

„Далъ се ніє ништа сбыло — люди буду раз-
терани, и после одъ наши людій гонѣни.“ Те-
тіяна погледи на свою госпођу и почне іоштъ
већма плакати. Ватацка Семень быо є нѣнъ
найстаріи братъ, нѣна єдина обрана.

VI.

Гонительи немогоше Мохили у трагъ ући. А-
на небіаше се іоштъ одъ болести предигла
кадъ се Петаръ Якубовскій вратио. Онъ є по-
здрави са сузнымъ очима, са стра'омъ и бри-
гомъ у срдцу. Она га ніє смела погледати, као
да є што скривила, а сынчићъ се єднако савіаю
часъ око отца часъ око матере, као да є хтео
съ тимъ умиляванѣмъ узаймну наклоность и по-
веренѣ родителя єдно спрамъ другога узбудити
и разгреяти.

Велика жалость обузме Якубовскогъ при-
ликомъ вѣсти о смрти свогъ вѣрногъ Ватацке
Семена; онъ дође, да о томъ и са своіомъ су-
пругомъ пробеседи; но кадъ є видію, како є по-

бледила, како є сва уздрктала, рекне іой: „Немой се бринуту, срдце мое, тайнымъ нападанѣмъ неће нико овай замакъ отети!“ и одъ тогъ времена ніє никадъ съ нѣоме говоріо о томъ несрећномъ догађаю, кои му є найверніегъ слугу и найбільгъ пріятеля одтргнуо.

У вече, кадъ му є жена на неколико трепутака заспала была, позове онъ Тетіану у свою собу, и пытао є обстоятелно о свему, шта се є за време одсутствія нѣговогъ догодило. Онъ ніє имао обычай, ватати трагове своіой жени, ни самъ собомъ, ни преко другій; али у нѣномъ садашнѣмъ положенію ніє могао съ нѣомъ ни о чемъ важніемъ говорити, а да іой здравлѣ самимъ ненаруши; осимъ тога гонило га є у овай ма' іоштъ неко нѣму самомъ непонятно чувство, слутня о некой важной тайни, да се болѣ извести о последњимъ догађаима у нѣговой кући.

Тетіана приповеди му о долазку базиліянскогъ калуђера. „Дуго, врло дуго говоріо є онъ съ нашомъ госпођомъ; я незнамъ, да ли є изповедао или іой є велику какву несрећу предсказао, єрѣ нисамъ ни словца одъ тогъ чула;

милостива госпа была є затимъ одвећъ плачна и жалошћу погружена. Она іоштъ ніє спава-ла, кадъ се несрећа догодила.“ При овомъ помыслу потеку іой опетъ сузе потокомъ низъ образе.

„Тетіана, я ћу ти быти братъ, твой за-щтититель!“ — Дуго време владало є дубоко ћутанъ — напоследку прекине га Якубовскій: „Па шта се догодило далъ?“

„Госпа є была у соби вашой, она се др-жала за прозоръ, кадъ су се пушке чуле; та-ко смо є нашли.“ „А Семень є видіо Базилян-ца?“ „Онъ га є самъ увео; вы сами знате, онъ ніє никадъ много говорио, као да є морао речи брояти. Кадъ є на нѣгову несрећу наполь изи-шао, казао ми є при разстанку: „Тетіана, добро мотри на твою госпођу, и немой ми се ни ко-рака одъ нѣ маћи; я те саветуемъ! Мы морамо томе на єданпутъ край учинити!“ а одъ тѣи ре-чій неразумемъ я ни єдну.“

Якубовскій се боріо у мыслима и ишао є по соби горе и доле; Тетіана є пакъ сматрала ликъ

Єреміє Мохила, кои є одкривень остао, нити га є Якубовскій кодъ размышляваня свога смотрію.

„Тетіяна, є ли было тай калу҃еръ младъ или старъ? или какавъ?“

„Ахъ, сасвимъ подобанъ овомъ овде“, прстомъ на ликъ показуюћи, „као да є овде начертанъ!“

Якубовскій погледи на ликъ: „Ко га є одкрію?“

„Я незнамъ, мысмо га тако нашли; вы знаєте, милостивый господине, да у вашу собу нико неулази, осимъ милостиве госпође и Семена.“

Якубовскій погледи опеть на ликъ, овако є изгледао?“

„О тако исто, милостивый господару; само мало бле҃ій и сувльїй, и не тако гордъ!“

„Онъ є! онъ є! Тетіяно, иди зови управителя и капетане!“ Тетіяна изи҃е. Онъ лупи ногомъ о патось. „Онъ є, онъ є! невернице!“ и пусти руке доле. „И я, я є любимъ свесрдно, толико самъ подносію нѣ ради, и іоштъ бы толико чи-

нію и подносию, кадь бы ми барь у дальной будућности само една сенка надежде просіявала. Али садъ є све пропало.“ —

На то шкрипне зубима: „Люди ће ме изсмејвати; а она, ко зна, колико ми се пута смејла!“ — Гордо подигнувши главу: „О не! я ћу іюй показати, да самъ и я у станю осветити се.“

И одъ управителя и капетана ніє могао ништа друго дознати, него да в чамаць низъ воду одъ Швайковке пловіо; єрь люди Семенови нису чули весланѣ, но само су видели, како є съ найвећомъ брзиномъ матицомъ одпловіо; єдни су потврђивали, да ій є троица было, а други четворица, трећи опеть само двоица; но сви су се у томъ саглашавали, да ій ніє много у чуну было. Іоштъ исту ноћъ были су одѣздили поєдине чете, да бѣгунце гоне; при осветку дана све су претресли; али се нигди ніє могло што подозрително наћи.

Якубовскій обсади іоштъ исту ноћъ замакъ и премести руску обсаду изъ вароши у истый; єрь Слободица была є у оно време тврда ва-

рошь са четири иляде обитателя Грка, кои су одъ угнѣтенія турскогъ овамо избѣгли были. Онъ самъ поити са триста коняника у Трихуръ, а управителю заповѣди, да иде у Швайковку, Райку и Скриловку и у друга села край обале Хнилопіята, да тамо све рибаре и лаћаре пова-та и у тамнице замка позатвара; по селима да остави довольно число войника, да на све пут-нике и обитателѣ села мотре.

Али све ове наредбе были су поздне. У Трихуръ продре Якубовскій самъ, кодъ свега одпора одъ стране игумна, съ нѣговимъ козацима у монастирь, обколи га и претресе свакій угаль; али ненађе ништа. Изъ села на Хнилопіяту довуку множину народа; невину е окую и стану е батинати; па опетъ никаква гла-са о Димитрію Мохили. И у самой Слободици, вароши, были су грађани мучени, али узалудъ. Жалостанъ и скрушенъ врати се Якубовскій дома; али ни съ єдномъ речицомъ непоказа сво-іой жени ни лютине ни подозрєня. Данъ ноћъ бдіо е онъ на нѣной постельи, и дрктао е, кадъ е помыслио, да се може какавъ говоръ о Дими-

трій Мохили повести. Али и Ана страшила се и споменути о томъ, и зато се непрестано съ мужемъ разговарала, тражила є свуда матеріє за увеселяванѣ, єрбо се бояла, да іой ѣутанѣ супругу не да повода къ старомъ нѣговомъ обычаю, да іой опетъ почне приповедати о нѣномъ несреѣномъ али миломъ любовнику.

Она є была супругу благодарна на нѣговомъ чувствителномъ попеченію; нѣгова є жалость тиштала, тиштала нѣна и нѣногъ любовника несреѣна. Често є хтела све и сва своме супругу изповедити, шта іой є срдце тиштало; али ніє смела, и опетъ є сама помысао о томъ свакадъ у нечемъ ублажавала.

Онъ ніє хтео свою жену испытивати, и волео се съ неизвѣстносѣу мучити, него свою несреѣну судьбину познати. Злый духъ шапутао му є на уво: „Она се на те любко осмеива, често те запыткива само да те обчара, да ти уво заглуши, да ти очи заслепи; то є обично лукавство съ пута честности сишавше жене.“ Сто пута се у таквымъ тренутцима заклиняо, осветити іой се страшно; а опетъ є сто пута по-

вторавоа свою стару тужбу: „И я є опеть любимъ тако усрдно, тако искрено!“

VII.

После пеколико дана предигне се Ана, іоштъ слаба одъ слѣдства грознице, и са свомъ не-свестномъ немоћи, коя жену са землѣ полакъ подиже, и тако рећи међу люде и Анђеле небесне премешта. Лепа є была, обчаравала є съ овимъ бледимъ лицемъ, съ овимъ невеселымъ окомъ, съ овимъ нѣжнимъ, поводливимъ, летећимъ тѣломъ, кое є, као што се чинило, найманый ветрићъ могао оборити. Погледати на нѣне кораке, тако слабе, тако несигурне, а опеть тако лаке, као да є сва одъ цвѣтногъ мириса створена — погледати на ову лепоту, како чезнућу тако и невестну одъ страданя и душевногъ немира — ахъ и морашъ є и неотице любити. Якубовскій є любіо и неговао є као дете, свой бы животъ за ню дао, и опеть зато было є овай животъ подкопанъ подозреніемъ и любоморствомъ. Али и помысао на освету посѣштавала га є кадкадъ, но не као милый прія-

тель, кога съ разширенимъ руками дочекуемо, него као досадный гость, кога бы се радо отресли, али неможемо, што има ячу волю посѣтити насъ, него мы врата одъ нѣга затворити.

Већъ бы се у Слободицы, као свакадъ и свуда у свету, догађай заборавіо, кои е Ватацкомъ Семену смртъ нанео, да ніе іоштъ множина затворены у подземнымъ сводовима замка стена-ла. Надъ нѣма е господаръ свое срдце изкаліо. — Подъ батинама и у ланцыма было имъ е пресуђено умрети, ако истину неизкажу; — они су трпели и ћутали. Предъ госпођомъ ніе смео нико о томъ говорити, тако е господаръ заповедіо; и тешко несрећнику, кои бы заповестъ преступіо. Ана дакле ніе ништа знала одъ свега тогъ; али и да е знала, небы се смела усудити, свогъ мужа за невине молити, она бы морала тайну одкрити, кою е толико време крила, не што е морала, (еръ она е тако невина была као и пре састанка съ Димитріємъ), него одъ чистогъ стра, одъ самогъ стида. Жена, коя е дѣломъ сгрешила, има увекъ више хитрине, има увекъ више смѣлости, него она, коя е само мыслима сгрешила.

Већъ є и гласъ приспѣо, да Хетмани круне и они изъ Литваніє прикупаю войску, да дивлѣ єдномысленике неверногъ Хмелницкогъ укроте, неприятеля изъ Лехске землѣ изтераю, иза Дона у пустаре Низова. Али то є бую само празанъ гласъ; господаръ Хмелницкій разкошествовао є безбрижно у Переяславу, и козачки полкови стояли су мирно у своимъ местима. Почело се већъ и приповедати, да су стари просяци, кои су иначе съ нѣинымъ торбама просили, овде и онде лехске новце народу раздавали, да су стари войници о польскимъ кралѣвима певали и свирали, о старомъ добромъ времену приповедали, кадъ су козаци съ Лехима неразлучно братство сачинявали, и кадъ є лехскій краль и нѣіовъ отаць бую. Али то се само приповедало; свакій є то одъ некогъ чуо, кои є опеть одъ некогъ другогъ чуо, и нигди нѣ се могао наћи онай, кои є управо првый тай гласъ доно.

У замку Слободице было є све у старомъ поредку; жена болестна, мужъ суморанъ и жалостанъ; онъ нѣ смео за истину пытати; она нѣ смела истину казати, и тако су обое страдали.

Было є у неделю у вече; после лепогъ ведрогъ дана баше се смркло; месецъ є быо зарана заишао, непредсказавши ни ветра ни кише; но зарана баше заишао, и небо се тамомъ увило; но у воздуху владала є таква тишина, да се є шуштанѣ Хнилопїята чакъ у замку горе чуло.

Већъ су супружници свогъ сынчића миловали и любили; кадъ имъ се погледи сукобе, и Ана помисли у себи: „Зашто немогу могъ мужа овако любити, као што могъ сына любимъ?“ А Якубовскій помисли: „Зашто мене нелюби тако, као што мое дете люби! а я є любимъ свесрдно и истинито!“ У томъ тренутку улети капетанъ унутра задуванъ, и одведе господара на тайный разговоръ у другу собу. „Отаць! у свимъ нашимъ селима устали су побунѣни селяци, одъ Трихура иде црнъ облакъ одъ людій къ замку; говори се, да їй Димитріє Мохила предводи, а Базилїански калуђери прате.“

Якубовскій мане главомъ: „То нїє ништа; ћути, па оди самномъ!“ Онъ изиђе, да своє заповести изда.

По краткомъ времену врати се, горка туга и великій немиръ меняше се на нѣговомъ лицу, у нѣговымъ очима светлила є тешка туга. Онъ увати свою жену за руку.

„Ано, оди самномъ, я те молимъ, я морамъ съ тобомъ кою речъ пробеседити!“ и одведе є у свою собу. Она му є слѣдовала, као паучина ветру покоравала се нѣговой вољи.

У нѣговой соби седну на єданъ ястукъ; спрамъ нѣи высіо є ликъ Бреміє Мохила, опетъ црномъ свиломъ покривенъ. Ана є сва дрктала, и то тако яко, да се є морала на зидъ наслонити; и нѣму є за нѣомъ тако жао было, да су му речи на устнама изумрле; напоследку себе побѣди, устане, пође къ противположеномъ зиду, и опетъ стане.

„Ано! Ано! кажи ми истину! — садъ є већъ прошло.“ — У истомъ магновенію пукне неколико пушака у авліи. —

Ана падне на колена, „ахъ, онъ є!“

Якубовскій неизиђе изъ своє себе, не прирчи своіой жени, да є подигне; брзо се при-

ближи зиду на противоположенной страни, тргне свилено покривало съ лика доле: „гледай овамо, невернице!“

Она падне на ястукъ и склапаше руке више себе: „Тамо, тамо — онъ є, онъ, човече — Димитріє!“ Якубовскомъ смркне се предъ очима. Сила очаянія ућути за єданъ тренутакъ, и osveta искала є гласно свой данакъ. Онъ извуче свой мачъ изъ корица и стане више свое жене: „Невернице, издаице!“ Али подигнута рука укочи се; онъ є хтео, али ніє могао спустити мачъ на лепый вратъ. У нѣговымъ ушима зуяла є као удалѣна грмлявина; — али онъ ніє ништа чуо одъ честе пуцняве и жестоке вике, коя є изъ авліє допирала: „издая, издая! — ватра! попалите све!“ „У нѣговымъ очима севале су варнице; али ніє видіо, да на степенима замка нѣгове люде убіаю, да су у себе продрли и ватрены угарцы на врѣ куће летили, и да є пламень по гредама крова лизао.

Ана пружи руке къ нѣму: „Уби, уби мене, само избави мое дете!“ и она се савіяше око нѣговы ногу, као да се избезумила.

Садъ се наеданпутъ чуше подмукли ударци за зидомъ; грунуше, да се є зидъ затресао, и єданъ гласъ повиче сасвимъ ясно: „замномъ, замномъ!“ „Онъ, є, онъ є!“ И Ана скочи са землѣ. „Онъ?“ повтори Якубовскій и окрене се на другу страну.

Ликъ Єреміє Мохила слети доле, тапета се отвори, и предъ нѣма стаяо є Димитріє Мохила съ голымъ мачемъ, правый козакъ!

„Ха, издайничко псето!“ и скочи као бесанъ на Якубовскогъ, али є већъ стояла жена предъ овимъ и разширила є, на прстима узправлѣна, своє руке, да га своимъ тѣломъ одбрани! „Мене уби, пре мене Димитріє!“—„Ты га бранишь? невернице! издайнице!“ и већъ є подигао руку, да є єднымъ ударцемъ смлати. Якубовскій отури свою жену на страну: „одлази невернице!“

Оба неприятеля устреме се садъ съ мачемъ у руцы єданъ на другогъ, и страшна се борба започне. Садъ ускочи више Мохиловы людій крозь тайна врата, но онъ имъ повиче: „нико да га ніє дирнуо, оставите га мени! идите далъ у замакъ!“ и опетъ почну падати у-

дарци чести и тешки. Ана є лежала на патосу и обуватала є часъ ногу свогъ мужа, часъ опеть Димитрієву, са срцепараюћимъ молбама молила їй є; они су є са собомъ по земљи вукли, одтискивали є, и нападали су іоштъ бешнѣ єданъ на другогъ.

У замку, по авліи и свимъ местима наоколо беснила є найужаснія борба, овде и онде могао се димъ, предтеча пожара примѣтити, и на поєдинымъ местима пробіао є малый пламень. Мохила є было ранѣнъ, али є и Якубовскій было крвлю обливенъ; онъ є већъ лежао на земљи и викао изнемоглымъ гласомъ: „Ано! Ано, наше дете, избави га!“ У Аниномъ срдцу пробуди се напрасно сва моћ матернѣгъ чувства; изъ средине звеке оружя, яуканя умирући, и прасканя ватре чинило іой се, да чує вриску свогъ детета. Мати скочи къ свомъ детету, а Мохила уништи съ последньимъ ударцемъ последню искру Якубовскова живота. „Путуй! издайниче!“ — Съ овимъ речма падне онесвесѣнъ и безчувственъ къ мртвомъ тѣлу свогъ непріятеля, но нѣгови люди узму га и однесу у авлію замка.

У авліи су се іоштъ бесно борили; цео за-макъ быо є већъ у пламену; варнице су скакале на све стране, гредe и рогови дрктали су и люляли се тамо овамо.

Мошила дође опетъ къ себи: „Ано! Ано!“ повиче онъ ясно и као у очаянію, „гди є она? — лѣствице амо! — замномъ!“ —

У истомъ тренутку покаже се на прозору єдне куле, у сред' првеногъ пламена єдна жена, у беломъ оделу съ дететомъ у наручу. Крозь сву ту вику и све кр'анѣ стропоштавајућегъ се зданія чуо се матерній гласъ: „избавите насъ! — сламе, сламе пода ме!“ У истомъ тренутку донесу гомилу сламе подъ кулу. Мошила подигне разширене своє руке горе: „Ано Ано!“

Она се сагне, бацы дете доле, и садъ є стояла тако пригнута у средъ пламена. Дете падне доле и врисне. Єданъ козакъ узме га у наруче, и више гласова повичу на єданпутъ: „избављно, избављно!“

Ана склопи своє руке и са свимъ разумително чуле се нѣне речи: „благодаримъ ти Бо-

же, хвала вамъ люди; Димитріє, буди обрана мога детета! Остай — съ Богомъ!“ Садъ е нестане изпредъ нѣины очію, и ништа се више нѣ видило, до црвеныи пламенный стубъ, гди е она стояла.

Мохила скочи къ замку: „Замномъ, замномъ! — Ано — моя Ано!“

Залудъ, замакъ е у пламену огрезнуо, и сурвао се. Люди Мохилови изтребе обсаду замка до последнѣгъ човека. Ведро ютро осване; светло и златно появи се сунце на изтоку; пожаръ е уништавао іоштъ последнѣ остатке замка. Множина неприятельски и неколико козачкѣй мртвы тѣлеса лежало е по земљи. Люди, кои су изъ села дошли были, и они кои су у служби Якубовскогъ остали были, поздравляли су еданъ другогъ добродошлицомъ, и еданъ е другомъ говоріо: „Мы смо сви то учинили; као шго су намъ господара Якубовскогъ силомъ наметнули, тако смо га силомъ и отерали, и садъ нека намъ правый господаръ Димитрій Мохила живи.“ Базилянски калуђери певали су узаймице часъ благодарителне песме, часъ песме погребѣ; а

Димитрій Мохила стаяо є єднако на авліи замка, и притискивао Анино дете къ своимъ прсима. Глава му є къ развалинама куле подигнута была; у нѣговымъ очима почивале су топле сузе.

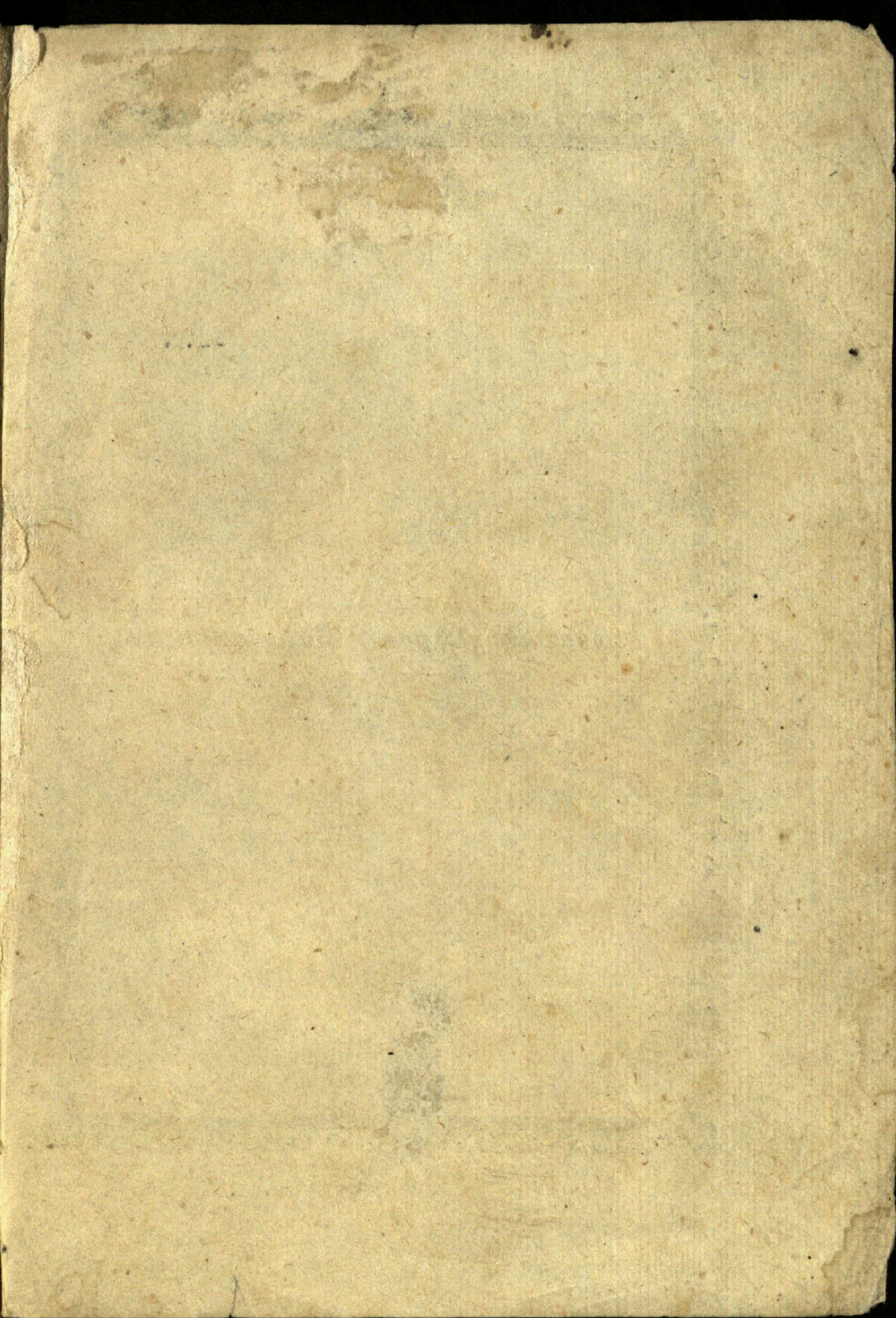
Године су прошле; на развалинама замка буде подигнута могила, а надъ овымъ гробомъ за мртваце капела за вечитый честный споменъ Ане Якубовскове. На другомъ месту буде новъ замакъ сазиданъ, али не онакавъ као старый. — Димитріє Мохила боріо се съ кралѣмъ Іованомъ кодъ Беча и у Унгарской противу Турака, постао є после козачкій Хетманъ, и браніо є као таковый помоћу Мелодаца Подолію противу нападаня Турака. Свуда га є пратио малый Якубовскій, одъ кога се ніє хтео раздвоити. Мохила є често говоріо у себи и предъ другимъ людама: „Ово є мой питомецъ, сынъ Анинъ!“

Протекоше іоштъ многе, врло многе године, велике вароши Слободице, новогъ замка и капеле нестаде, као што є старогъ замка нестало. О породици Мохиловой нечує се нигди

ништа у козачкой земльи; козачка пакъ фамилія Якубовскова садъ се иза Днѣпра преселила. —

Слободица є данасъ одъ вароши постала прилично село, и опеть зато преповеда тамо свакій, одъ старца па до малогъ детета, као да є юче было, о Димитрію, Ани, старомъ замку и некадашнѣмъ народу на Хнилопіяту.

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ

Р19 СрГ 519.1

Печатано у Правит. Книгопечатњи.